

АТатьяна Люшина

Далекий мой,
единственный

Татьяна Александровна Алюшина Далекий мой, единственный...

Серия «Еще раз про любовь.
Романы Т. Алюшиной»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522635
Далекий мой, единственный...: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52662-8

Аннотация

Юля влюбилась в Илью, когда ей было всего-навсего десять лет. Никто и не мог предположить, что это – не мимолетное ребячество, а настоящее чувство, которое девушка пронесет через годы. Окрепнув и возмужав, эта любовь станет действительно крылатой. О такой пишут в книгах, ею восхищаются и завидуют. Вот только пока что на Юлину долю досталось больше горечи, чем счастья.

Ранее роман выходил под названием «Не могу тебя забыть».

Содержание

ЮЛЯ	4
ИЛЬЯ	30
ЮЛЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Алюшина

Далекий мой, единственный...

*Владимиру Валентиновичу Беляеву с
благодарностью за поддержку и понимание
посвящается*

ЮЛЯ

Сложив на столе ладони и упершись в них подбородком, Юлька смотрела на улицу. Письменный стол, за которым она сидела, стоял возле окна, для правильного освещения, когда она работает, да и думалось ей лучше, глядя на неспешно текущую, никуда не торопящуюся Неву.

В мире под названием Санкт-Петербург шел снег. Огромные хлопья, послушные порывам ветра, метались за окном то в одну сторону, то в другую, то ровно падали, как сплошная белая завеса, и ей казалось, что она слышит тихий шорох опускающихся на землю снежинок.

Юля не любила зиму. Сейчас не любила. Она была уверена, что зима – это время для обдумывания жизни, легкого философствования. В тишине и уюте теплой квартиры, в сумеречной, неярко освещенной комнате. Когда знаешь, что

на улице холодно и неуютно зыбко, надо обязательно сидеть в удобном кресле и предаваться осмыслению своей жизни, читать классиков, проецируя их мудрые мысли на себя и нынешнюю действительность.

Ничего обдумывать она не хотела, проецировать что-то там и уж тем более ковыряться в себе. Юлька столько всего передумала, что в мозгах что-то заклинило, какие-то проводки от чрезмерной нагрузки соединились не так, заблокировав умные мысли и правильные выводы, оставив только уже привычную, постоянную, как неизбежный холодный рассвет, боль.

Вчера они встретились с Карелией в кафе. Болтали обо всем, смеялись, как говорится: ничего не предвещало...

И вдруг Кара стала серьезной, задумалась, посмотрела куда-то вдаль и, переведя взгляд на Юльку, сказала:

– Ты живешь в странном мире. В мире, в котором не решаешь быть прошлому, не впускаешь будущее и в котором нет настоящего. Такое случается с людьми, когда они переживают трагедию, что-то вроде анестезии, но это состояние длится несколько недель, ну, может, пару месяцев. А ты зависла в нем надолго. Хватит, Юль, жить не живя, надо двигаться вперед!

– Как?

– Как угодно – правильно, неправильно, но вперед! У тебя такое яркое, жизнерадостное творчество, значит, в тебе есть внутренние резервы, силы, чтобы радоваться. Так реализуй

их в жизни, а не только в своих проектах и картинах!

– Я попробую, – ответила, лишь бы уйти от неприятной темы, Юлька.

– Нет! Ты не пробуй – а возьми и сделай! Прямо сейчас! Сядь в тишине, подумай, проанализируй, что мешает тебе идти вперед. Изложи, в конце концов, на бумаге! Напиши историю своей любви, честно, без оправданий, обвинений и желания приукрасить! Напиши, прочти и сожги к чертовой матери! Если не поможет – повтори, еще раз, еще!

– Хорошо! – на этот раз пообещала Юлька.

Карелия всегда права. Она была настолько мудрой, что Юльке казалось порой, что подруга ясновидящая или экстрасенсша какая-нибудь, на худой конец, добрая колдунья. Ну в самом деле, нельзя же быть такой красивой и мудрой!

Юлька обладала чертой характера, которая страшно мешала и часто осложняла ей жизнь: если она что-то обещала, то обязательно делала это, хоть трава не расти!

Тяжело вздыхая от необходимости исполнения данного обещания, она промаялась целое утро, слоняясь из комнаты в комнату, оттягивая неизбежность исполнения. Занимаясь тем же оттягиванием, села за рабочий стол, долго и тщательно наводила порядок на нем, разложив эскизы и наброски в аккуратные стопочки, сдула несуществующую пыль с поверхности и, еще раз тяжело вздохнув, взяла лист бумаги.

Девственно-белый лист лежал перед ней в ожидании, пугая своей притягательностью, словно поторапливал: «Ну, да-

вай, напиши что-нибудь!»

«А что?» – спросила себя она.

Юлька взяла ручку, посмотрела, задумавшись, в окно и решительно ринулась в эпистолярное излияние души, решив писать не раздумывая, а что придет в голову. С лету!

«Каждому человеку кажется, что его страдания, его боль, его любовь самые сильные, самые болезненные и никто другой и представить себе не может всей глубины переживаемого им. И от этого мы в своих страданиях ужасно и безнадежно одиноки.

Что мучает меня, что не дает жить и дышать во всю силу? Обида? Непонимание? Или нежелание принять и смириться с той действительностью, которая сложилась совсем не так, как я себе придумала?

Любовь? Что от нее осталось, от моей любви?

Любовь обрастает мечтами, желаниями и надеждами, которые расцветивают ее в самые невероятные краски, делая глубже, прекрасней, ярче! У меня были чудесные мечты!

Господи! Какие же красивые мечты были у меня!!! Но они улетели разноцветными воздушными шариками в голубое ясное небо, постепенно уменьшаясь в размерах и растаяв навсегда.

А семь месяцев назад ушла, безнадежно махнув рукой, надежда.

Что осталось у меня?

Только любовь...

Безнадежная, неосуществимая и от этого голая, безусловная. Без всяких условий.

Просто любовь...»

Юлька бросила ручку в раздражении.

– Не могу!

Она сложила ладони на столе, уперлась в них подбородком и посмотрела в окно на летящий снег.

Когда Юлька увидела его первый раз, было лето.

Замечательное, жаркое, бесшабашное дачное лето. Июль. Юльке исполнилось десять лет.

Каждый год родители снимали дачу в подмосковном поселке у одних и тех же людей. Большой дом был разделен на две половины – хозяйскую и ту, что сдавали дачникам, в последнюю которую входили четыре комнаты: две на первом этаже, две на втором, отдельная кухня и длинная открытая веранда. А еще они могли пользоваться всем огромным участком вокруг дома. Юлька обожала лето, эту дачу, поселок, своих дачных друзей, маму, папу, их друзей, хозяев дачи и их собаку с прозаическим именем Жулька! Все-все-все, что связано с дачным летом, Юлька обожала!

В мае она начинала по сто раз в неделю спрашивать родителей, не забыли ли они договориться с Ярцевыми о даче. После майских праздников все ее друзья по даче начинали активно перезваниваться, договариваться о встречах и важных летних планах. Дней за десять до отъезда Юлька начи-

нала собираться, и к моменту, когда все необходимые вещи стояли в коридоре и папа давал команду: «Все! Выезжаем!», она уже торчала у дверей и переминалась в нетерпении с ноги на ногу, как резвый молодой конек.

Самым страшным наказанием для девочки было обещание родителей отправить ее на юг, к морю!

Когда ей было восемь лет, родители решили оздоровить дочурку и повезли в Крым, в пионерский лагерь. Юлькины слезы и мольбы не смогли повлиять на их решение. Какой-то знакомый врач настоятельно порекомендовал родителям такой летний отдых для дитя, напугав попутно всяческими ужасами о московской экологии. В те времена это понятие было не в ходу и мало кто обращал на это внимание, но врач, что б ему пусто было, попался «продвинутый», впрочем, как и Юлькины родители.

У папы сердце обрывалось, когда Юлька стенала и упрашивала не отправлять ее в этот лагерь.

– Папочка! Ну, пожалуйста! – рыдала Юлька. – Не хочу я это море, я на дачу хочу!

– Марина! – не выдерживал папа, обнимая дочку и вытирая ей слезы. – Может, черт с ним, с лагерем? Смотри, как ребенок убивается!

– Игорь! – стояла на своем мама, напуганная страшилками о том, чем дышит ее ребенок в течение года. – Так нельзя! Позагорает, поплавает, иммунитет укрепит!

Она забирала дочь из рук мужа, прижимала к себе и уго-

варивала:

– Юлечка! Тебе понравится. Ты ведь никогда на море не была, а там очень красиво. И ребят много, познакомишься, подружишься!

– Не хочу! – плакала Юлька. – У меня друзья на даче есть, они меня ждут!

С приближением дня отъезда сцены рыданий и уговоров повторялись с большей частотой и насыщенностью Юлькиными рыданиями, уговорами, обещаниями, ультиматумами, ну, по полной программе. Папа готов был сдаться, видя дочкино трагичное лицо, но мама оставалась непреклонна. Она сама повезла Юльку на юг, чтобы сдать с рук на руки и посмотреть лагерь, в который отправляли любимое чадо.

Не сумев разжалобить родителей и добиться своего, чадо поступило другим образом. На второй день пребывания в замечательном лагере (а кто спорит: замечательный, с огромным парком, пляжем, питанием, ну и всем остальным) Юлька заболела. Ее положили в изолятор с температурой сорок градусов. Перепуганная мама металась по врачам, пытаясь выяснить, что за болезнь приключилась с дочерью. Те пожимали плечами – а бог его знает? На простуду не похоже, в море дети еще не купались, может, такая реакция на солнце?

Мама быстро собрала девочку, и в тот же день на самолете они вернулись домой в Москву, где странным образом непонятная болезнь мгновенно исчезла. И уже на следующее утро Юлька оглашала дачные окрестности здоровым криком

молодого павиана.

Родители, стоя на веранде дома, наблюдая встречу дочери с друзьями, сопровождаемую криками неподдельной радости воссоединения, обсудили ситуацию.

– Дурацкая была идея! – сказала мама.

– Да, – согласился папа – И врач этот тоже дурацкий! И мы с тобой хороши! Ну что переполошились? Оздоровливается она и здесь, без всякого моря и крымского солнца!

– Нет, ну какова! – восхитилась мама. – Не мытьем, так катаньем! И ведь умудрилась заболеть до температуры! А?

– А ты думала, – рассмеялся папа. – Она же рыжая, вся в прабабку, а та всегда добивалась чего хотела!

– Нет, ты посмотри, куда вся болезнь девалась! Орет, как будто только с пальмы слезла! – и мама звонко рассмеялась. – А все-таки Юлька у нас молодец! Ну, действительно, на черта ей это море сдалось, если она здесь целый день на воздухе, мы ее с трудом есть и спать загоняем; и речка, и лес, и друзья тут, и дела у них свои всякие «важные».

С тех пор, если Юлька умудрялась схватить пару в школе, или прогулять уроки, или натворить что-нибудь, то последним предупреждением и самым страшным из возможных наказаний было обещание родителей отправить ее летом к морю вместо дачи. И эта совсем уж крайняя мера устрашения способна была приструнить ее надолго.

Было лето. Июль. Стояла жара.

Юльку загнали домой обедать, и она все торопила роди-

телей, расслабленных и несуетных в выходной на даче.

– Ну, давайте скорее! Меня же все ждут! – просила девочка, помогая родителям накрывать стол на веранде.

Она как угорелая моталась из кухни на веранду, кидая на стол вилки-ложки, хлебницу, салфетки.

– Юля, не торопись, все равно, пока спокойно не поешь, никуда не пойдешь. Ты же знаешь! – говорила мама.

– Ладно, – вздыхала Юлька.

Конечно, речка, велики, друзья никуда без нее не денутся, но уж очень эти обеды и ужины мешали грандиозным планам компании, всегда почему-то оказываясь не вовремя.

Юлька торопливо ела, умудряясь при этом рассказывать о проделках, которые они устраивали. Мама с папой смеялись, забыв отчитать дочь за рискованные приключения, солнце шпарило, из радио, висевшего в кухне, доносилась какая-то песня, и в это время...

Юлька, сидевшая за столом лицом к ступенькам, ведущим на веранду, увидела Его и замерла, не донеся ложку с супом до рта, который так и остался открытым.

Он поднимался по трем скрипучим деревянным ступенькам и был похож на древнегреческого бога! Юлька как раз сейчас штудировала книгу «Легенды и мифы Древней Греции» и совершенно точно знала, как выглядят эти боги!

Капли срывались с замершей на полдороге ко рту ложки и падали в тарелку с супом, обдавая футболку мелкими брызгами.

Время для Юльки остановилось! И куда-то исчезли все звуки. И весь мир куда-то тоже делся.

Она смотрела, широко раскрыв глаза, на самого красивого на свете мужчину!

Вообще-то он был обыкновенным, ну не совсем уж обыкновенным, скорее, очень интересным мужчиной, но тогда он казался ей невероятным, сказочным красавцем!

Что там принц! Принцы это так, ерунда – сыновья королей, которые неизвестно когда сами станут королями, особенно если папаши в добром здравии! Да и хлипкие они, ходят в штанах в обтяжку и в коротеньких (ободранных, что ли?) плащиках на плечах. Юлька сама видела, когда родители водили ее на балет, да и в книгах все эти принцы изображены тоненькими, худенькими. Нет, это не то!

Вот невеста откуда взявшийся незнакомец... Это да! Высокий, большой, даже солнце загородил!

– Здравствуйте! – улыбнулся «бог».

И время потекло дальше, и звуки вернулись: из радио опять доносилась песня, капли, срываясь с ложки, громко шлепались в суп, из-за забора Серега кричал:

– Юлька, давай быстрее!

– О, Илья! – обрадовался папа, вставая со стула.

Он пожал «богу» руку, приобнял его и похлопал по спине.

– Молодец, что приехал!

– Здравствуй, Ильюша! – улыбнулась мама. – Садись скорее за стол.

Юлька переводила взгляд с одного взрослого на другого. Как это родители с ним так запросто? Он же бог!

– Дочка, доедай! – сказала мама.

– Здравствуйте, Юля – поздоровался с ней (с ней!) «житель Олимпа». – Наконец я с вами познакомлюсь. Ваш папа про вас много рассказывал.

– Что? – пропищала потрясенная Юлька.

– Да разное! – рассмеялся он.

Мама усадила гостя за стол возле Юльки, поставила перед ним прибор и налила ему суп в тарелку.

– Меня зовут Илья, – представился «небожитель».

– Вы похожи на греческого бога! – выпалила Юлька и уронила ложку в суп, на этот раз вызвав фонтан брызг.

– А что, действительно! – согласился, смеясь, папа. – Кудри, нос с небольшой горбинкой, синие глаза. Похож!

– Юля сейчас изучает Древнюю Грецию, – пояснила мама. – И всех и все сравнивает с оной. Давай, красавица, носи тряпку и вытри со стола последствия своего знакомства с богами.

Юлька быстро-быстро сбегала в кухню, схватила тряпку, вытерла стол, бросила тряпку куда-то в угол, уселась на место и восхищенно уставилась на гостя.

– Должен вас разочаровать, Юлечка: я не бог и даже не грек. Увы! – улыбнулся он ей невероятной красоты улыбкой, подогревая воображение девочки до предела.

– А почему тогда вы говорите мне «вы»? – спросила Юль-

ка, отказываясь расставаться со своей убежденностью.

— Так проявляют уважение к малознакомым людям и старшим по возрасту или должности, — пояснил папа. — Илья человек воспитанный. И насколько я помню, мы с мамой старались и тебе привить хорошие манеры.

— А! — вспомнила Юлька о том, что ей пытались «привить» родители. — Мне надо спросить о погоде? — уточнила она. — Как погода в Греции?

Он рассмеялся.

— Юлечка, вот честное слово, я не грек и уж тем более не один из их богов! Я самый что ни на есть настоящий русский. Кстати, древние греки были блондинами в основном, я для них темноват, а вот вы подходите — рыжие там часто встречались, особенно среди богинь.

— Слава богу, она не изучает Средневековье! — заметила мама. — А то бы потребовала, чтоб ты надел латы и продемонстрировал меч. Дочка, ты, кажется, спешила?

— А? — отвлеклась от созерцания Ильи Юлька. — Ничего, я не тороплюсь!

— Да? — не поверила мама. — А мне показалось, что тебя ждут.

Юлька, вспомнив о своих важных делах с друзьями, подскочила и тут же плюхнулась назад. Она разрывалась между желанием бежать доигрывать и страхом, что, как только она уйдет, этот уже не бог, как выяснилось, исчезнет.

— Так! — распорядился папа. — Давай, ешь второе и можешь

идти гулять.

– А вы не уедете? – спросила она у Ильи.

– Нет, – ответил за него папа. – Илья приехал отдохнуть, и нам надо с ним поработать.

– А вы кто? – допытывалась Юлька.

– Я ученик вашего папы, мы вместе работаем, он мой научный руководитель.

– А! – кивнула головой Юлька.

Доспехи бога стремительно тускнели, делая гостя ближе и реальней.

– Вы его аспирант?

– Не совсем, я его сотрудник.

Папа отвлек Илью от разговора с Юлькой, и они стали обсуждать какую-то только им понятную тему. А девочка, неотрывно глядя на гостя, быстро справилась со вторым блюдом.

– Юля! Да что с тобой? – спросила мама.

– Мам, он очень красивый, правда?

– Кто? Илья? – уточнила мама.

– Ну да!

– Похоже, Илья поразил твое воображение, – улыбнулась мама.

– Поела? – поинтересовался папа. – Все, иди, тебя друзья ждут!

Юлька подскочила, скороговоркой поблагодарила за обед и ринулась вниз по ступенькам с веранды, но остановилась

уточнить тревожащие детали.

– Вы когда уезжаете?

– Илья останется с ночевкой, – ответил вместо него папа и обратился к гостю: – Баньку затопим, посидим, поговорим. Мне очень понравилась твоя идея, надо обсудить.

– Хорошо! – обрадовалась Юлька. – Ну и, если вы все-таки не бог, давайте на «ты»!

– Согласен! – рассмеялся Илья.

Юлька умотала, но каждый час забегала под разными предлогами: воды попить, переодеться, взять велик, оставить его, на самом же деле проверяя, не делся ли куда Илья. В выдвигаемую им теорию о своем якобы простецком русском происхождении слабо верилось – ну как может этот красавец оказаться кем-то простым!

После целого дня активных игр и занятий Юлька обычно спала как убитая, даже не ворочалась во сне, вырубаясь на лету, не успев донести голову до подушки. Но сегодня она никак не могла уснуть – ну вот никак! Ворочалась, вздыхала, ужасно беспокоясь, что подозреваемый на роль бога все же исчез. Да, сейчас! Будет она переживать бездейственно! Юлька достала фонарик из-под подушки, где хранились всякие «важные» мелочи: большой ржавый гвоздь, красивый камешек, записка от Вовки, который ей нравился до сегодняшней исторической встречи с божественным Ильей, следующего содержания: «Юлька выходи мы тебя ждем», сложенные наручные часы и много еще разного.

Включив фонарик, она отправилась в гостиную, где на диване устроили на ночь Илью. Решительно подойдя к спящему, Юлька посветила ему в лицо. Надо же убедиться, что гость на месте!

Он проснулся, заслонил рукой лицо от луча света и спросил:

– Юль, это ты? Что случилось?

– Ничего, я хотела проверить, не испарился ли ты! – ответила она.

Илья рассмеялся, сел и похлопал по дивану рукой, приглашая ее сесть рядом.

– Садись.

Юлька проворно забралась на диван.

– Мы ведь уже выяснили, что я не древнегреческий бог, а вполне живой и реальный русский.

– Я так, на всякий случай – объяснила Юлька.

Он погладил ее по волосам и спросил:

– Откуда у тебя такие красивые рыжие кудри?

– Говорят, от прабабушки, папиной бабушки. Я ее видела только на фотографии, но она не цветная, и какие у прабабушки там волосы, непонятно. А почему ты раньше не приходил? Папины аспиранты у нас часто бывают, а тебя я ни разу не видела.

– Так сложилось. Вы далеко живете, а я рядом с институтом, где мы работаем. Поэтому, если мы засиживаемся там допоздна, то идем ко мне домой.

– А ты один живешь?

– Нет, с родителями. Ну, Рыжик, давай спать. Обещаю, что утром все еще буду здесь.

Он помог ей слезть с дивана, чмокнул в макушку. Развернул к выходу и легонько подтолкнул.

– Иди. Спокойной ночи.

– Угу, – пробормотала Юлька и поплелась к себе в комнату.

Как только она удостоверилась в наличии объекта на месте, на нее навалилась непреодолимая сонливость.

Юлька была рыжей. Огненно-рыжая, непослушная, вся в кудряшках копна волос, с которой могла справиться только мама, заплетая ее в косички, ужасно раздражала Юльку и доставляла массу хлопот.

– Мамочка, – просила Юлька, терпя пытку косичками. – Давай пострижем эти волосы коротко-коротко!

– Тогда ты вся будешь в мелкую кудряшку. Ты этого хочешь?

– Не очень, – вздыхала Юлька. – Но и терпеть это мне надоело!

– Юлька, да за такие волосы большинство женщин душу бы продали, а тебе они достались даром!

– Зачем душу, я и так отдам с удовольствием!

– Вот вырастешь, станешь девушкой, тогда и оценишь, какое богатство имеешь! – успокаивала мама.

Юлька родилась с ярким, морковного цвета чубчиком. Папа таял от умиления и любви, когда ему вручили пищащий сверток первый раз.

– Марина! Надо назвать ее Лилией! – вздыхал от счастья папа, рассматривая дочь. – Она такая беленькая, нежная, и волосики рыжие, прямо рыжая лилия!

– Да какая лилия?! – смеялась мама. – У нее уже сейчас характер, как у «предводителя краснокожих», а ты – лилия!

Папа не желал слушать никакой критики в адрес дочурки, его «нежного цветочка». Родители, а с ними и бабушки с дедушками, долго спорили, как назвать чадо. Папа упорно стоял на своем, аргументируя «Лилию» нежностью и прелестью ребенка.

– Она же просто принцесса! – ворковал он, не выпуская дочку из рук.

Остальные высказались категорически против такого имени и любых других цветочно-розовых вариантов.

– Хорошо! Тогда давайте назовем Юлией, как бабушку, раз она так на нее похожа! – сделал уступку папа.

– Да господь с тобой, Игорь! – всплеснула руками папина мама. – Ты что, бабушку не помнишь? У нее был такой взрывной характер! А уж сколько крови она попортила мужчинам!

– Вот и хорошо! Значит, девочка сможет за себя постоять! – обрадовался будущей перспективе папа. – Но моя дочь

такой не станет! Она нежная, тихая, настоящая принцесса! Правда, Юлечка?

– Агу! – ответил ребенок.

– Вот видите! Она отзывается на Юлю! – просиял родитель.

Мама выразительно подняла глаза к потолку, стараясь не рассмеяться.

Очень скоро папа понял, как ошибался в оценке характера «нежного цветочка»!

Юлька росла энергичным, шустрым, не в меру любопытным ребенком с бойцовским, упертым и целеустремленным характером. В восемь месяцев она начала ходить, перед этим ползая так быстро, что родители частенько за ней не поспевали. Девочка лезла везде, познавая мир в кратчайшие сроки, умудряясь с молниеносной скоростью доставать, рвать, ломать, пробовать на зуб все, что попадалось ей на пути, пользуясь любой малейшей расслабленностью родителей, не уследивших за дитятей. Папа хватался за голову, когда, собираясь на работу, обнаруживал расшнурованными свои туфли (любимое Юлькино занятие – расшнуровывать все, что имело шнурки и попадалось ей под руку). Самое страшное испытание для опаздывающего на работу отца заключалось в том, что найти сами шнурки было невозможно, куда она их девала, оставалось загадкой.

Вершина постижения Юлькой мира, можно сказать, научного мира, а заодно и степени терпения отца случилась в по-

луторагодовалом возрасте. Девочка мгновенно забралась на письменный стол с помощью стула, стоявшего между ним и диваном, на котором она мирно играла, пока папа не отвлекся буквально на пару минут. Этого времени ей вполне хватило, чтобы залезть на стол, обследовать бумаги, лежавшие на нем, и... сделать свои детские «важные» дела на доклад для научной конференции.

Папа стонал и опять хватался за голову, а мама смеялась, убирая следы «катастрофы».

– Игорь, может, ребенок дал свою оценку твоему докладу? Наверное, тебе следует над ним еще поработать.

В общем, ребенок рос и развивался, доставляя родителям море радости и вынуждая их поддерживать спортивную форму с помощью бега по пересеченной квартирной местности в не всегда удачных попытках вовремя поймать дитя.

В то лето Илья появлялся у них на даче очень часто, каждые выходные, а иногда и среди недели. У них с папой была какая-то важная работа, впрочем, сколько Юлька помнила, у папы всегда была важная работа.

Юлька любила Илью самозабвенно, со всей страстностью своей рыжей натуры. Родители, будучи людьми мудрыми, не позволяли себе подшучивать над данным обстоятельством, понимая, что само пройдет, и стараясь не нанести ребенку душевную травму. Дачные Юлькины преданные друзья принимали данный факт, собственно, попробовали бы не принять – рулила парадом в их компании Юлька (а кто же еще?).

Тот, кто попытался бы зло шутить, вполне мог остаться и без зуба или приобрести «бланш», навеки потеряв Юлькину дружбу.

Юлька бегала встречать свой объект повышенного обожания к электричке, когда знала, что он должен приехать, прихватив, конечно же, всю компанию, доводя людей на платформе криками и проделками до предынфарктного состояния. Продавщицы мороженого и пирожков, а с ними и бабульки, торговавшие огородными дарами, спешно закрывали торговлю, завидев Юльку с друзьями, и небезосновательно – от греха подальше. Словом, приезд Ильи Адорина по степени шума и народного ликования неизменно был обставлен не хуже, чем градоначальника какого.

Этой же компанией, но уже с Ильей они ходили на речку, в лес, загорали, играли в волейбол. Юлька слушала их непонятные разговоры с отцом – наука, наука и, как водится, еще раз наука! Но она слушала, только бы посидеть рядом!

Потом, спустя годы, став взрослой, вспоминая то лето, Юлька поняла и оценила, насколько правильно и тактично вел себя Илья. Он не делал вид, что не замечает обожания девочки, не шутил, не говорил всякие глупости по этому поводу, а главное – не смущался! И всегда повторял, что его самолюбию очень льстит, что такая очаровательная девочка одарила его своим вниманием, умело переводил все их разговоры в игру, в шутки или начинал рассказывать захватывающие, удивительные истории, легенды, которые Юлька и

ее друзья могли слушать часами! Он был молодец! Но Юлька поняла это уже потом, а тогда она любила не столько его, сколько само состояние любви, ведь все маленькие девочки когда-то бывают в кого-то влюблены!

Однажды, проявляя свое безудержное чувство, она чуть не угробила родного отца.

Юлька знала, что в этот день должен приехать Илья, но во сколько именно появится божественный, было неизвестно. Папа сказал:

– Приедет, обещал, в течение дня, точного времени не знаю.

Чтобы не пропустить тот счастливый момент, Юлька устроила игры с друзьями в непосредственной близости от своей калитки. И все-таки она его прозевала!

Ребята всей компанией понеслись на соседнюю улицу, лишь на несколько минут, посмотреть, как тетя Зина, местная жительница поселка, ловит в огороде свою сбежавшую козу. Насмеявшись над уморительными проделками животного, которое умудрялось скакать по огороду, не забывая при этом то петрушки отщипнуть, то кусок капусты с грядок под громкие крики хозяйки, ругавшей безобразницу на все лады, друзья вернулись к Юлькиному дому. И тут Юлька увидела, что калитка широко открыта, Илья с мамой сидят на ступеньках веранды и о чем-то разговаривают.

Юлька рванула к любимому, не заметив отца, который, оседлав каменный столбик (к таким столбикам крепились

створки ворот), приделывал какое-то приспособление. Да что там отца – она вообще вокруг никого не видела, кроме Ильи: ни мамы, ни отца, ни сидевшей на ее пути Жульки, которая выбрала папу хозяином и, когда тот появлялся на улице, не отходила от него дальше, чем на два метра. В данный момент преданная псинка сидела возле ворот, задрав морду, и не сводила глаз с папы, от счастья виляя хвостом.

– Илья!!! – заорала Юлька.

От неожиданности папа вздрогнул, потерял равновесие, попытался схватиться руками за опору, но руки у него были заняты инструментами, и с криком «О, черт!» Игорь Дмитриевич рухнул на землю. А Жулька с перепугу завалилась на бок, истошно заверещав.

– Парит наш орел, – сказала Юлька, удивившись упавшему с неба к ее ногам непонятно откуда взявшемуся отцу.

Она сделала пару робких шажочков к нему, наклонилась и спросила:

– Пап, ты жив?

– Не знаю, – простонал он, вставая на четвереньки.

Удостоверившись, что отец живой, Юлька аккуратно обошла его по дуге и понеслась дальше к Илье, а мама кинулась к упавшему мужу.

Встретились они на полдороге. Юлька, не сводившая взгляда с Ильи, обнаружила препятствие в виде мамы, только когда столкнулась с ней. Мама, сбитая с ног рыжей торпедой, приземлилась на грядку с петрушкой.

– Ой! – пискнула Юлька и побежала дальше, не останавливаясь.

И, наконец добравшись до конечного пункта, кинулась головой на шею.

– Привет, Илья!

– Может, нам ее в хор отдать? – спросил папа, вставая и потирая ушибленный бок.

– В церковный! – поддержала мама, вылезая из грядки. – Голосище, как у попа!

Игорь Дмитриевич Расков, Юлькин папа, был доктором наук, преподавал студентам и занимался научной работой в другом институте, академическом. Юлька знала из разговоров взрослых, что папа очень талантливый ученый. Илью те же взрослые тоже называли талантливым и подающим большие-пребольшие надежды. Он являлся кандидатом наук и занимался научной работой вместе с папой, под его руководством, еще с тех времен, когда был студентом.

И так сложилось, что друзья родителей, собиравшиеся у них на даче почти каждые выходные, а иногда и в будни, в большинстве своем оказались учеными. Они часто и по-много спорили и говорили о вещах, совершенно непонятных Юльке. Сидя за столом часами, иногда так увлекались, что, доказывая правильность некоторых мыслей, писали что-то на салфетках, порой изводя целые пачки за один разговор.

Юлькиной энергии и неумного воображения хватало и на

то, чтобы отвлечь от научных дебатов и втянуть в свои игры и замыслы академических мужей и дам. То она придумала театральную постановку сказки «Двенадцать месяцев», а так как ролей было много, девочка задействовала и друзей родителей помимо собственной компании. Ученые мужи бросали свои научные споры и с удовольствием вырезали, клеили и мастерили костюмы и декорации. С не меньшим энтузиазмом учили текст и репетировали, порой так увлекаясь, что забывали об основных участниках представления – детях. После триумфального показа постановки последовали другие спектакли: «Золушка», «Белоснежка и семь гномов», где, кстати, одного из гномов играл академик. Между прочим, роль ему удалась.

Взрослым до такой степени это понравилось, что они и сами стали придумывать какие-то постановки, пародии – все то, что в театральной среде называется «капустник».

Но всегда, всегда на роли главных героев Юлька назначала Илью, а сама, соответственно, играла главных героинь. А какие еще могли быть варианты?

Костюмы и декорации Юлька придумывала сама.

Когда ей было года три, она разрисовала все доступные ей места на стенах квартиры. Папа с мамой пришли с работы и, зайдя в свою спальню, остановились, впад в небольшой шок – стены комнаты в Юлькин (тогда еще, слава богу, маленький) рост были раскрашены зеленой акварельной краской,

изображавшей траву.

– Мам! – закричал папа. – Что это такое?

С Юлькой тогда сидела бабушка, потому что родители работали: папа в двух своих институтах, а мама в его же институте преподавала студентам английский.

– Что? – пришла бабушка на зов сына с Юлькой на руках, такой же зеленой, как и трава на стенах.

– Вот это что? – показал папа на стены, а посмотрев на счастливо улыбающуюся дочь, указал и на нее. – И это?

– Юлечка нарисовала траву. Правда, здорово получилось?

– А ты куда смотрела, когда она рисовала? – спросил папа.

– Как куда? Я ей помогала. Одна она бы с таким объемом работы не справилась, – гордо ответила бабушка.

– А что, мне нравится! – вступилась мама. – Живенько так, как в поле.

– Как в дурдоме! – проворчал папа. – Все зеленое, и Юлька тоже!

– У ребенка явный талант! – восхищалась бабушка. – Ей надо обязательно заниматься рисованием!

– А можно не на обоях? – взмолился папа.

– У нее масштабное видение! – рассмеялась бабушка.

Мама с папой смирились – да пусть рисует, где хочет, может, действительно талант. Так Юлька, получив полную свободу и, что самое важное, перестав посягать на папины бумаги как на предмет, где можно рисовать, стала размалевывать стены квартиры.

Родители от этого безобразия только вздыхали, но терпели. На ремонт у них не хватало ни сил, ни времени, но надо было как-то ликвидировать ее художества. Папа придумал гениально простое решение, и через год после «первой травы» в спальне, когда стены закончились и дитя стало поглядывать на его рабочий стол в поисках бумаги, он обклеил все стены снизу белым ватманом – рисуй, ребенок!

И малышка рисовала. Много и с удовольствием.

Когда Юлька стала постарше, ее отдали в художественную школу, и родители, вздохнув с облегчением, все-таки сделали ремонт.

Поэтому никого не удивило, когда она смастерила из старых выцветших штор сказочно красивый театральный занавес, разрисовала костюмы и придумала декорации. Юлька была инициатором, постановщиком и главным художником всех дачных спектаклей, а впрочем, во многом и самой их дачной жизни.

Так замечательно и от этого несправедливо, невероятно быстро пролетело то лето, когда ей было десять лет и она первый раз встретилась с Ильей.

ИЛЬЯ

Илье Андреевичу Адорину было в то лето двадцать пять лет.

Он увлекся и начал заниматься наукой еще в школе. Ему было до такой степени интересно, что он зачитывался толстенными научными книгами как художественной литературой. Влегкую поступив в институт, как нынче говорят подростки – не парясь, он учился с постоянным ощущением радости. И уже на втором курсе он занялся научной работой под руководством Игоря Дмитриевича, тогда еще кандидата наук. А дальше по обычным накатанным рельсам – на четвертом курсе Расков выбил ему ставку лаборанта, чтобы тот мог немного подработать, на пятом Илья сдал два экзамена на кандидатский минимум. Блестяще защитил диплом и на его основе написал кандидатскую, через год сдал профилирующий экзамен, а потом и защитился.

Нельзя сказать, что Илья любил дело, которым занимался, – такая постная формулировка не может передать всех тех чувств, ощущений, которые он испытывал, работая.

Он жил этим, дышал, состоял из этого, всегда держа в голове формулы, алгоритмы, а находя верное решение, испытывал такие невероятные по накалу чувства, которые не с чем даже сравнить.

Сто раз прав был Бернард Шоу, когда сказал: «Интеллект

– это страсть, и Декарт получал больше удовлетворения и удовольствия, чем Казанова!»

Да, да! Именно так! Это страсть, предощущение победы, когда чувствуешь: вот сейчас, вот где-то близко, вот так правильно – и получаешь, делаешь! И все звенит внутри, ликует, и сил в тебе, как в десятерых, и хочется прыгать до потолка, и приходит невероятное, искрящееся состояние полного счастья!

И снова поиск, трудный, мучительный, интересный.

Это была его жизнь. И он так ее любил, что ни за какое сокровище в мире не согласился бы променять на что-то еще!

То лето, когда Илья первый раз приехал на дачу к Расковым, было особенно замечательным. Они с Игорем Дмитриевичем бились над одной ну никак не поддающейся проблемой и вдруг, всего за неделю, кардинально поменяв подход и описание, расщелкали ее! Это было так здорово и неожиданно!

Илья чувствовал себя победителем, героем, абсолютным чемпионом! И влюбленность в него бесшабашной, искренней, непосредственной Юльки словно явилась ознаменованием этой победы.

С женой Игоря Дмитриевича, Мариной, Илья был знаком давно, она преподавала в их институте английский и знала Адорина со второго курса, когда тот начал работать с ее мужем, а вот их дочь Юльку он увидел впервые, но слышал о ней и ее проделках от нежных родителей ой как много.

Разумеется, она оказалась необыкновенной девочкой. Ярко-рыжие волосы, закручивающиеся в кучеряшки, голубые восторженные глаза, худенькие ручки-ножки и белая, как алебастр, кожа, на удивление, без единой веснушки. Внешне вроде самая обыкновенная, необыкновенной ее делали цвет волос, глаза и именно этот оттенок кожи, а еще ум, чувство юмора, неиссякаемая энергия и явные задатки таланта художника.

Она так искренне, открыто и безапелляционно была в него влюблена, как только может быть влюблена маленькая девочка, что сначала Илья даже перепугался, но Марина с Игорем его успокоили:

– Да пройдет! Это у девочки подростковый возраст начинается, ей непременно надо в кого-то влюбиться, и обязательно во взрослого. Юлька у нас эмоциональная – сегодня любит, завтра нет.

Он старался вести себя как можно тактичнее, чтобы не обидеть ненароком, не задеть ее чувств. Но усмехался и качал головой, когда ловил себя на том, что скучает по этому Рыжику и торопится к Расковым, чтобы услышать встречающее его неизменно восторженное: «Илья приехал!» И подхватить с разбегу на руки, покружить, чмокнуть в рыжую макушку. Юлька любила его неподдельно и совершенно безусловно. Он впитывал в себя это, понимая, что вряд ли какая-либо женщина будет его так любить: чисто и по-детски честно.

Илья с удовольствием, впрочем, как и все взрослые, принимал участие во всех ее задумках и проектах. Рисовал, делал костюмы, наносил «черновую» краску на декорации, оставляя основные штрихи творцу. С Юлькой и ее дачными друзьями ходил в лес, на речку, где плавал наперегонки, нырял вместе с ними со старой ивы в воду, играл в волейбол, гонялся за непослушной соседской козой, умудрявшейся непонятно каким образом выдернуть колышек, вбитый в землю, к которому была привязана.

А вечерами они часто сидели на ступеньках веранды, и Илья рассказывал им о Египте и Риме, о Дании и Норвегии, о фараонах и римских императорах, о викингах и Наполеоне.

И такое это было прекрасное лето!

Следующее лето начиналось так же замечательно и радостно, но оказалось омрачено его приездом с девушкой. После этого все стало как-то не так.

Игорь Дмитриевич в пятницу вечером, по обыкновению, пригласил его.

– Ну что, Илья, давай рванем к нам на все выходные. А в понедельник вместе поедem в институт. Хозяин обещал баньку к вечеру затопить, напаримся, а завтра шашлык организуем.

– Было бы здорово! Но, увы, я в выходные встречаюсь с девушкой.

– Так бери ее с собой! Еще лучше, отдохнете на приро-

де, у нас теперь летняя пристройка есть, хозяева специально сделали для наших многочисленных гостей.

– А Юлька как же? – осторожно спросил Илья.

– А что Юлька? По-моему, ей самое время понять, что ты взрослый мужчина и в ухажеры ей не подходишь. Пора ей найти другой предмет для обожания. Может, она тебя уже разлюбила, вы за зиму всего три раза виделись.

Но Игорь Дмитриевич ошибался, опять недооценив характер дочери.

ЮЛЯ

Юлька ждала это лето особенно нетерпеливо, как никогда. Ну еще бы!

Ведь летом обязательно, обязательно приедет Илья к ним на дачу! И повторится все, как в прошлом году: речка, спектакли, походы в лес, а вечерами они будут сидеть на веранде, и он будет рассказывать что-нибудь, а она будет держать его за руку! И счастье устроится в ее сердечке теплым котенком.

Он приехал, только не в первые выходные июня, а в следующие. С диким криком африканского туземца: «Илья приехал!» Юлька понеслась к калитке, в которую он входил.

Она уже часа полтора не уходила от дома, дожидаясь их с папой приезда. Юлька кинулась Илье на шею, обвила его, как обезьянка, руками и ногами, он рассмеялся, покружил ее, поцеловал в макушку.

– Привет, Рыжик! Как я рад тебя видеть! Ты стала еще красивей! – сказал он и поставил ее на землю.

– Идем, идем скорее! – торопила Юлька, ухватив Илью за руку. – Мама давно стол накрыла, а вас все нет!

– Подожди, Юль, я не один.

Он сделал шаг в сторону, пропуская вперед незнакомую девушку и Игоря Дмитриевича.

– Может, с отцом поздороваешься? – спросил папа.

– Привет, па! – быстро ответила Юлька и чмокнула отца

в щеку.

– Познакомься, Юля, это Инга, – представил девушку Илья.

– Здравствуйте, – улыбнулась та.

Симпатичная, стройная блондинка лет двадцати, Юльке она категорически не понравилась. Совсем и сразу.

– Вы сестра Ильи? – ехидно спросила Юлька, потряхнув рыжими кудряшками, выбившимися из хвоста.

– Нет, – удивилась девушка.

– Давайте за стол! – позвала с веранды мама. – Вы и так опоздали.

Она наблюдала встречу дочери с Ильей и его спутницей и поспешила вмешаться, на всякий случай. Даже не на всякий, а на данный конкретный – уж зная-то свою дочь!

За столом папа с Ильей, наверное, первый раз не говорили о работе, стараясь сгладить напряженную атмосферу, которую создала Юлька.

Она молчала с того момента, как ей представили девушку, старательно и подчеркнуто изображая хорошие манеры: пользовалась вилкой и ножом, вытирала поджатые губки салфеткой, тщательно пережевывала еду, придерживаясь имиджа пай-девочки. Родители, наблюдая сей спектакль, тревожно переглядывались, понимая, что это не к добру.

– Юля, – предприняла попытку остановить бурю мама. – Тебя Вова звал в кино.

– Спасибо, мама, – ответила «очень хорошо воспитанная»

девочка. – Этот фильм я уже видела, я не пойду.

– Какой спектакль ты наметила ставить? – спросил папа, выступая с мамой в тандеме в попытке предотвратить неизбежное «выступление» доченьки.

– Я пока не придумала названия, – чинно ответила она, глядя на Ингу, – это о злой ведьме, которая украла принца у его невесты и околдовала.

– Юля, к чему такие страсти? – спросила мама не только о спектакле, усмехнувшись.

– Не беспокойся, мамочка, там все заканчивается хорошо: ведьма сгорела, а влюбленные остались вместе! – обращаясь лишь к Инге, произнесла она.

– Тебя вон твоя команда у калитки ждет, – указала мама в сторону ворот.

– Да, я иду, – согласилась Юлька, поднимаясь из-за стола.

– Ну, слава богу! – не удержал папа вздох облегчения.

Не тут-то было! Это он сильно поспешил с выводами.

– Скажите, Инга, а вы на электричку не опоздаете? – спросило дитя.

– Скорее всего, нет, – спокойно ответила девушка. – Мы с Ильей уедем в воскресенье.

– Значит, вы останетесь у нас ночевать?

– Да, – кивнула Инга и вопросительно посмотрела на Илью.

– С Ильей? – уточнила девочка.

– Юля! – грозно призвал к порядку папа. – Не хами!

– Я просто спрашиваю, – не испугалась папиного гнева дочка и опять обратилась к Инге: – У вас любовь?

– Ну... – оторопела от прямого наезда девушка.

– Понятно! – кивнула Юлька. – Лучше было бы вам уехать, Инга, а то мало ли что! Ну, я пойду!

И Юлька, предупредив соперницу, неторопливо-горделивой походкой зашагала к калитке.

Уж кто-кто, а девушка Инга на всю жизнь запомнила ту поездку. Вот сто пудов!

На следующее утро Юлька не поздоровалась и вообще не разговаривала с Ильей и его девушкой. Не удосужила! Сразу после завтрака убежала одна, без верных друзей, на речку и больше часа сидела под ивой, что-то обдумывая.

И придумала. А кто бы сомневался!

Сначала на девушку Ингу «случайно» упала со второго этажа стоявшая на окне банка с «радикально черной» масляной краской, которая стояла на окне, «забытая» Юлькой. Все суетились, ахали, охали, отчищая одежду гости. Юлька, будучи ребенком прямолинейным, в этой суе участвия не принимала. Затем у дамы, мирно отдохавшей от неприятных волнений утра в гамаке, в волосах обнаружилось десятка два репейников. Девушка чуть не рыдала, доставая колючки из волос, а Илья, помогая Инге, старался успокоить ее.

Обнаружить Юльку для предания справедливому наказанию, ибо иных кандидатов на такую пакость не наблюдалось, родители не сумели. Немного успокоившись, взрослые заня-

лись шашлыком. Приехали еще трое гостей, папины друзья, стало весело, шумно, и за разговорами, накрыванием стола, шутками об инциденте забыли. Девушка Инга кокетничала с двумя вальяжными учеными мужами, между делом демонстрируя и подчеркивая свои права на Илью. Она поглаживала его, прижималась к нему якобы невзначай, в разговоре брала за руку – короче говоря, показывала: это мой мужчина. В общем, Инга расслабилась.

А зря!

Правильно рассчитав время, Юлька заявила, когда все уже сидели за столом и шашлык был на «подходе», поздоровалась с приехавшими гостями, ответила на многочисленные вопросы о грядущем спектакле, что-то перекусила на бегу.

– Мы с тобой потом поговорим! – строго пообещала мама.

Юлька вертелась возле стола, играла с Жулькой, но, как только услышала, что Илья уговаривает Ингу сходить на речку искупаться, быстро и незаметно для всех убежала.

– Пойдем, поплаваем! – предложил Илья своей девушке.

– Да ты что, вода еще холодная.

– Здесь речка мелкая, она быстро прогревается, холодно только в глубоких местах. Идем.

– Ну, хорошо, – согласилась девушка.

Когда парочка шла по улице к речке, мимо них, рассчитав момент, на большой скорости пронесся на велике Вовка, прямо по огромной луже, оставшейся после ночного дождя, обдав грязной мутной водой Ингу с головы до ног. Всю.

– Да что это такое?! – возроптала девушка на весь поселок. – Здесь живут не дети, а хулиганы какие-то!

– Теперь точно надо в воду! – рассмеялся Илья – И лучше в одежде!

Но в одежде Инга не стала входить в речку. Раздевшись на берегу, они зашли в реку, и Инга попыталась на мелководье вымыть грязь из волос.

– Надо пойти туда, к иве, там глубоко, и ты все сразу смоешь, – предложил Илья.

– Я плавать не умею! – недовольно ответила Инга.

– Я тебя подержу!

И тут на берег, как горох из стручка, высыпала вся Юлькина компания, ребята побросали велики, разделись и с радостными криками ринулись в речку.

– Мы с вами будем купаться! – «осчастливил» перспективой Вовка, он же мастер по скоростному разбрызгиванию луж.

– Нет уж! – забеспокоилась Инга. – Идите купаться в стороне от нас! Мы сами!

– Да ладно! Вместе веселее! – крикнула Ленка, Юлькина подруга, и плюхнулась в воду рядом с Ингой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.